

15. Шурухнов Н. Г. Использование организационных, процессуальных, информационно-технологических средств для активизации участия осужденных в допросе при расследовании преступлений, совершенных в учреждениях федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4(22). С. 35—39.

REFERENCES

1. Adriaenssen A., Paoli L., Karstedt S., Visschers J., Greenfield V. A., Pleysier S. Public perceptions of the seriousness of crime: weighing the harm and the wrong. *European Journal of Criminology*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 127—150.
2. *On the national security strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400.* (In Russ.) URL: www.pravo.gov.ru.
3. Grishin D. A. Crime prevention. Differentiation of the terminology used. *Zakon i parvo*, 2020, no. 7, pp. 91—94. (In Russ.)
4. Mantsurov D. Yu., Mantsurova L. A. Tactical support of the interrogation preceding the presentation for identification. *Russian investigator*, 2016, no. 13, pp. 3—6. (In Russ.)
5. Kopylov A. D. Tactical features of interrogation of persons sentenced to imprisonment. In: *Modern problems of law-making and law enforcement. Materials of the All-Russ. student sci. and pract. conf. within the framework of the Baikal Student Legal Forum — 2020.* Eds. E. I. Devitsky, S. I. Suslova. Irkutsk, 2020. Pp. 302—305. (In Russ.)
6. Nuzhdin A. A. Crime of convicts in places of confinement. Theoretical aspect. *Zakon i parvo*, 2020, no. 1, pp. 91—94. (In Russ.)
7. Malchuk O. I., Romyantsev N. V. The role of operational search data during the interrogation of convicts. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 113—116. (In Russ.)
8. Van Dijk J., De Waard J. A two-dimensional typology of crime prevention projects: with a bibliography. *Criminal Justice Abstracts*, 1991, vol. 23, pp. 483—503.
9. Tareev I. Yu., Tikhaleva E. Yu. Interrogation as an urgent investigative action: features and problems of conducting. *Univer-sum: economics and jurisprudence*, 2021, no. 7(82), pp. 44—46. (In Russ.)
10. Porubov N. I., Porubov A. N. *Interrogation: procedural and forensic aspects.* Moscow, Yurlitinform, 2013. 304 p. (In Russ.)
11. Kubanov V. V. Features of interrogation during the investigation of penitentiary crimes. In: *Legal Science and Practice. Almanac of sci. works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.* Samara, 2020. Pp. 150—152. (In Russ.)
12. White R. The business of youth crime prevention. In: *Crime Prevention in Australia: Issues in Policy and Research.* Eds. P. O'Malley, A. Sutton. Sydney, The Federation Press, 1997. 169 p.
13. Kalbaev B. A., Dzhumagulova Ch. B. Factors influencing the peculiarities of the investigative examination and interrogation during the investigation of crimes committed in correctional institutions. *Law and the State: theory and practice*, 2020, no. 5(185), pp. 96—101. (In Russ.)
14. Morozov R. M., Bushuev S. I. The use of certain tactics of interrogation of prisoners in correctional institutions in conflict situations. *Ius Publicum et Privatum*, 2020, no. 2(7), pp. 41—44. (In Russ.)
15. Shurunov N. G. The use of organizational, procedural, informational and technological tools to enhance the participation of prisoners in interrogation in the investigation of crimes committed in the institutions of the Federal penitentiary service. *Penal law*, 2015, no. 4(22), pp. 35—39. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.09.2021; одобрена после рецензирования 18.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.
The article was submitted 10.09.2021; approved after reviewing 18.09.2021; accepted for publication 25.09.2021.

Научная статья

УДК 341.1/8

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.447

Dmitriy Vladimirovich Krasikov

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of International Law,
Saratov State Law Academy,
Senior researcher at Department of Law,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Saratov, Russian Federation
krasikovdv@list.ru

Дмитрий Владимирович Красиков

канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой международного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
старший научный сотрудник Отдела правоведения,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Саратов, Российская Федерация
krasikovdv@list.ru

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

12.00.10 — Международное право; европейское право

Аннотация. В настоящее время концепция цифрового суверенитета прочно укоренилась в политико-правовой дискуссии об общеевропейском будущем. Ее появление и

укрепление связано с фактически сложившейся в Европе зависимостью от зарубежных технологий, товаров и услуг в цифровой сфере, что ставит под угрозу как собственное

экономическое развитие Европейского союза, так и защиту основных прав и свобод европейских граждан в соответствии с его принципами. Настоящая статья посвящена изучению особенностей развития концепции цифрового суверенитета Европейского союза. В работе рассматривается содержание термина «цифровой суверенитет» в практике его использования в европейском политико-правовом дискурсе, выявляются основные характеристики двух измерений цифрового суверенитета ЕС (во-первых, способности регулировать технологический сектор и поведение в киберпространстве и, во-вторых, стратегической автономии в цифровой сфере и европейской конкурентоспособности в сфере технологий). Кроме того, в статье обращается внимание на основные теоретические и практические проблемы содержания и развития данной концепции. Такими проблемами являются, во-первых, выбор надлежащего носителя цифрового суверенитета и опре-

деление параметров соотношения общеевропейского наднационального цифрового суверенитета с суверенитетом государств — членов ЕС, включая его цифровое измерение; во-вторых, оценка справедливости выбора модели цифрового суверенитета Европейского союза, которая нередко критикуется как чрезмерно «корыстная» и как недостаточно конкурентоспособная. В статье утверждается, что, несмотря на отдельные аргументы о несостоятельности рассматриваемой модели, есть основания считать, что ЕС уже достиг положительных результатов на пути формирования своего цифрового суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, цифровой суверенитет Европейского союза, технологический суверенитет ЕС, стратегическая автономия ЕС, цифровая стратегия ЕС, европейское пространство данных, права человека в цифровой сфере, Общий регламент по защите данных, цифровая экономика, цифровая повестка

Финансирование: работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16102 «Трансформация правосубъектности участников налоговых, бюджетных и публичных банковских правоотношений в условиях развития цифровой экономики».

Для цитирования: Красиков Д. В. Развитие концепции цифрового суверенитета в правовой политике Европейского союза // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 255—259. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.447.

Original article

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF DIGITAL SOVEREIGNTY IN THE LEGAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION

12.00.10 — International law; European law

Abstract. Currently, the concept of digital sovereignty is firmly rooted in the political and legal debate about the pan-European future. Its emergence and strengthening is associated with the actual dependence in Europe on foreign technologies, goods and services in the digital sphere, which jeopardizes both the European Union's own economic development and the protection of the fundamental rights and freedoms of European citizens in accordance with its principles. This article is devoted to the study of the peculiarities of the development of the concept of digital sovereignty of the European Union. The paper examines the content of the term “digital sovereignty” in the practice of its use in European political and legal discourse, identifies the main characteristics of two dimensions of digital sovereignty of the EU (first, the ability to regulate the technological sector and behavior in cyberspace, and secondly, strategic autonomy in digital area and European technology competitiveness). In addition, the article draws attention to the main theoretical and practical problems of

the content and development of this concept. Such problems are, firstly, the choice of an appropriate bearer of digital sovereignty and the determination of the parameters of the relationship of the pan-European supranational digital sovereignty with the sovereignty of the EU member states, including its digital dimension; secondly, the assessment of the fairness of the choice of the model of digital sovereignty of the European Union, which is often criticized as overly “selfish” and as insufficiently competitive. The article states that, despite some arguments about the insolvency of the model under consideration, there is reason to believe that the EU has already achieved positive results on the path to forming its digital sovereignty.

Keywords: sovereignty, digital sovereignty of the European Union, EU technological sovereignty, EU strategic autonomy, EU digital strategy, European data space, human rights in the digital sphere, General Data Protection Regulation, digital economy, digital agenda

Funding: the work was supported with grant of RFFR No. 18-29-16102 “Transformation of legal status of participants in tax, budget and public banking legal relations in the context of the digital economy development”.

For citation: Krasikov D. V. Development of the concept of digital sovereignty in the legal policy of the European Union. *Business. Education. Law*, 2021, no. 4, pp. 255—259. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.442.

Введение

Появление и укоренение концепции цифрового суверенитета ЕС в политико-правовом проектировании общеевропейского будущего связано с осознанием в общественных и политических кругах фактически сложившейся зависимости европейских пользователей и публичных механизмов (как наднациональных, так и внутригосударственных) от иностранных технологических компаний. Экономисты описывают Европу как соединяющую в себе характеристики «гнома» и «великана» в мире технологий:

несмотря на активное развитие передовых технологий в Европе, она практически не имеет каких-либо значимых цифровых платформ; на ее долю приходится менее 4 % рыночной капитализации 70 крупнейших мировых платформ (73 % приходится на долю США, 18 % — на долю КНР); и в то же время ЕС представляет собой огромный рынок с населением более 500 млн человек, который не может игнорировать ни один технический гигант и на долю которого приходится около четверти всех доходов компаний Facebook и Google [1]. Это объясняет растущую в Европе

озабоченность по поводу того, что граждане, предприятия и государства — члены ЕС продолжают терять контроль над своими данными, над своей способностью к инновациям и над своей способностью формировать и обеспечивать соблюдение законодательства в цифровой среде [2, p. 1].

При этом стало очевидным и то, что риски, связанные с такой зависимостью, лишь усиливаются вследствие обострения конкурентной борьбы США и КНР — государств, ставших подлинными лидерами в сфере цифровых технологий. Исследователи отмечают, что геополитическая конкуренция между этими странами может подорвать экономическое благополучие и права человека в Европе, поскольку ее граждане зависят от товаров, услуг и технологий этих сверхдержав, начиная от чат-платформ и заканчивая средствами хранения данных и телекоммуникационным оборудованием [3, p. 101].

В этих условиях концепция цифрового (или технологического) суверенитета развивается в европейской общественной и политической дискуссии в качестве средства преодоления этих проблем, призванного обеспечить европейское лидерство и стратегическую автономию в цифровой сфере [2, p. 1]. Этим обусловлена **актуальность** обращения к отдельным аспектам развития данной концепции в рамках настоящей статьи.

Проблематика, которой посвящена настоящая статья, широко обсуждается в зарубежной науке: концепции цифрового суверенитета ЕС посвящены, в частности, работы Т. Кристакиса [4], М. Бауера и Ф. Эриксона [5], А. С. Обендик [6]. В последние годы также значительно повышается внимание к концепции цифрового суверенитета ЕС со стороны российских исследователей: Е. С. Зиновьева и В. И. Булва изучают политику ЕС в области информационной безопасности в контексте цифрового суверенитета [7], Я. Н. Шевченко обращается к данной концепции в контексте политики глобального управления данными [8]. **Целесообразность** разработки данной темы связана с развитием концепции цифрового суверенитета в ЕС и во многих государствах, с конкуренцией различных его моделей и с соответствующей необходимостью обращения к зарубежному опыту, в том числе для формирования отечественной политики в цифровой сфере.

Научная новизна состоит в рассмотрении концепции цифрового суверенитета с учетом теоретических и практических проблем ее реализации.

Целью работы является выявление и исследование особенностей концепции цифрового суверенитета Европейского союза в ее развитии. Для достижения этой цели в рамках настоящей работы поставлены следующие **задачи**: во-первых, изучить понятие цифрового суверенитета в практике его использования в европейском политико-правовом дискурсе; во-вторых, рассмотреть основные характеристики двух измерений цифрового суверенитета ЕС; в-третьих, выявить основные теоретические и практические проблемы содержания и развития данной концепции.

Теоретическое значение настоящей работы состоит в том, что она является результатом теоретического исследования, которое вносит вклад в научное осмысление концепции цифрового суверенитета. **Практическое значение** результатов исследования состоит в возможности их использования для развития цифровой повестки Российской Федерации и Евразийского экономического союза.

Основная часть

Несмотря на недостаток определенности самого термина «цифровой суверенитет», на различия в подходах

к его использованию и на проблемы его соотношения с традиционной концепцией государственного суверенитета [9, p. 8—26], в европейской политико-правовой дискуссии сформировалось в значительной степени общее его понимание: как правило, он используется как охватывающий, во-первых, способность регулировать технологический сектор и поведение в киберпространстве, и, во-вторых, стратегическую автономию в цифровой сфере и европейскую конкурентоспособность в сфере технологий [4, p. 11]. Эти две составляющие определяют развитие концепции цифрового суверенитета ЕС и дополняют друг друга с точки зрения моральной легитимности и общеевропейских «эгоистичных» интересов.

В ее регулятивном измерении рассматриваемая концепция предполагает способность Европейского союза регулировать Интернет и технологический сектор и продвигать европейские ценности посредством регулирования и установления стандартов [там же]. Стратегическая автономия определяется как способность политического образования следовать своему собственному курсу в международных отношениях, т. е. ставить собственные цели и действовать в соответствии с ними; с практической точки зрения речь идет о балансировании в диапазоне от абсолютной самодостаточности или автаркии до полной зависимости [10, p. 2]. Соответственно, цифровой суверенитет ЕС в измерении стратегической автономии понимается как его способность реализовывать свои собственные политические, социальные и экономические приоритеты без нежелательных ограничений, связанных с зависимостью от цифровизации [4, p. 12].

Фактически сложившаяся зависимость ЕС от товаров и услуг неевропейских технологических компаний с учетом важности цифровой сферы для его экономического развития и необходимости обеспечения надлежащего уровня защиты прав европейских граждан является главным обоснованием претензии ЕС на обладание цифровым суверенитетом [11, p. 215—217]. Одним из основных проектов, направленных на решение этих проблем, стала инициатива Европейской комиссии, посвященная созданию «Европейского пространства данных», в котором необходимый уровень цифровой инфраструктуры позволит развиваться экономике, основанной на данных, а право ЕС и гарантированные им основные права человека будут уважаться и эффективно соблюдаться [12].

Среди основных теоретических проблем, сопровождающих развитие рассматриваемой концепции, — проблемы определения надлежащего носителя цифрового суверенитета и соотношения общеевропейского наднационального цифрового суверенитета с суверенитетом государств — членов ЕС, включая его цифровое измерение. С одной стороны, обладание полноценным суверенитетом самим ЕС несовместимо с буквальным толкованием его учредительных договоров, с другой — передача ему государствами-членами части своих суверенных полномочий позволяет говорить о приобретенном ЕС фрагментарном наднациональном суверенитете в ряде областей внутренней и внешней политики [13]. При этом есть аргументы в пользу развития именно общеевропейской перспективы цифрового суверенитета: Л. Флориди задается вопросом о том, кто должен осуществлять цифровой суверенитет — государства-члены или Европейский союз, и призывает противостоять рискам превращения поддержки национального цифрового суверенитета в поддержку цифрового «суверенизма» или этатизма — культурно и экономически анахроничных

позиций, защищающих автократическое и меркантилистское видение цифровой сферы [14, р. 374—375]. Хотя следует признать, что риски цифрового «суверенитизма» существуют и на общеевропейском уровне [11, р. 220—222].

Кроме того, высказываются и сомнения в отношении справедливости выбора модели цифрового суверенитета ЕС. Так, встречаются утверждения о заложенной в ней «корыстности»: стремление Европы интернационализировать свои правила поведения в цифровом пространстве может восприниматься как ее желание экстернализовать бремя адаптации к сложившимся обстоятельствам, не причинив ущерба собственной конкурентоспособности [15, р. 7—8]. Данная претензия звучит неубедительно, коль скоро речь идет о конкурентной борьбе суверенных государств (или их объединений), обладающих необходимой властью, инструментами и правом (в отсутствие юридических обязательств, предписывающих иное поведение) предписывать правила поведения в пределах своей юрисдикции, включая имеющие экстратерриториальное действие. По какой причине некие абстрактные оценки степени «корыстности» должны препятствовать усилению Европейским союзом своей конкурентоспособности за счет имеющихся в его распоряжении регулятивных инструментов, остается неясным. Тот факт, что определенные ценности служат собственным интересам ЕС, не обязательно лишает их легитимности [там же, р. 8].

Еще одним аргументом критиков является характеристика подхода ЕС к достижению и укреплению цифрового суверенитета как чрезмерно «наивного» и наносящего ущерб его конкурентоспособности [там же, р. 7]. Комментируя международно-правовую политику США, П. Тейлор отмечает, что позиционирующая себя как «геополитический» орган, Европейская комиссия на собственном горьком опыте усваивает, что европейская модель международного порядка, основанного на правилах, не может состязаться с грубой силой [16]. Исследователи констатируют наступление эры глобальной борьбы за модель цифровизации, в которой на карту поставлены концепции конфиденциальности, прав человека и платформенной экономики и, в итоге то, как рынки, государства и общества должны относиться друг к другу; США, Китай и Европейский союз представляют цифровизацию как бизнес, как инструмент власти и как область, в которой необходимо достичь баланса социальных и демократических ценностей, соответственно [15, р. 7]. В этих условиях европейская модель цифрового суверенитета, основанная на идее упорядоченного и ценностно ориентированного регулирования, может восприниматься как наиболее уязвимая. Вместе с тем

есть основания считать, что опасения в этом отношении не вполне оправданны: в настоящее время широко обсуждается так называемый брюссельский эффект [17], в том числе в цифровой сфере, который признается одним из индикаторов успешной реализации ЕС своей модели цифрового суверенитета. Так, считается, что после принятия Общего регламента по защите данных (GDPR) и его восприятия в качестве образца для выработки собственных нормативно-правовых актов в соответствующей сфере некоторыми другими юрисдикциями, ЕС утвердил свою позицию глобального регулятивного лидера [6, р. 3]. Все большее число специалистов склоняется к тому, что, сосредоточившись на установлении правил поведения в цифровой сфере, ЕС эффективно восполняет недостатки своего внутреннего технологического развития [4, р. 36—39].

Заключение и выводы

В условиях активного развития общественных отношений, связанных с информационно-коммуникационными технологиями, концепция суверенитета переживает своего рода второе рождение. Широко обсуждается применимость принципа суверенитета к киберпространству, предпринимаются попытки развить его содержание с учетом новых реалий [18, 19]. Европейский союз имеет достаточно длительную историю регулирования общественных отношений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, однако концепция цифрового суверенитета появилась в политико-правовой дискуссии о будущем ЕС сравнительно недавно. Ее появление и укрепление рассматриваются как необходимое условие эффективного функционирования ЕС: она возникла как ответ на угрозу несостоятельности ЕС в достижении своих основных целей и в защите ценностей, лежащих в его основе. Фактически сложившаяся зависимость европейских граждан и компаний от товаров, услуг и технологий, происходящих из США и КНР, не позволяет ЕС полноценно реализовывать свою внутреннюю и внешнюю политику в отсутствие мер, направленных на достижение стратегической автономии и на обеспечение прав и свобод европейских граждан в цифровой сфере.

Несмотря на сформированные контуры модели цифрового суверенитета ЕС, ее содержание широко обсуждается с точки зрения обоснованности и в контексте конкуренции с моделями США и КНР. Несмотря на отдельные аргументы о ее несостоятельности, есть основания считать, что ЕС уже достиг положительных результатов на пути формирования своего цифрового суверенитета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. The EU wants to set the rules for the world of technology: on data protection, artificial intelligence, competition and more. URL: <https://www.economist.com/business/2020/02/20/the-eu-wants-to-set-the-rules-for-the-world-of-technology>.
2. Digital sovereignty for Europe. EPRS Ideas Paper: towards a more resilient EU. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf).
3. Vučić M. European Union's quest for digital sovereignty: policy continuations and strategy innovations // Europe in Changes: the Old Continent at a New Crossroads / Ed. by K. Zakić, B. Demirtaş. Belgrade : Institute of International Politics and Economics ; Belgrade Faculty of Security Studies at the University of Belgrade, 2021. Pp. 99—115.
4. Christakis T. “European digital sovereignty”: successfully navigating between the “Brussels effect” and Europe’s quest for strategic autonomy. URL: <https://ssrn.com/abstract=3748098>.
5. Bauer M., Erixon F. Europe’s quest for technology sovereignty: opportunities and pitfalls. ECIPE occasional paper 02/2020. URL: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2020/05/ECI_20_OccPaper_02_2020_Technology_LY02.pdf.
6. Obendiek A. S. Take back control? Digital sovereignty and a vision for Europe. URL: https://opus4.kobv.de/opus4-hsog/frontdoor/deliver/index/docId/3934/file/210511_Obendiek_Digital-Sovereignty.pdf.

7. Зиновьева Е. С., Булва В. И. Цифровой суверенитет Европейского Союза // Современная Европа. 2021. № 2(102). С. 40—49.
8. Шевченко Я. Н. Цифровой суверенитет Европы в контексте политики глобального управления данными // Политическая наука. 2021. № 3. С. 251—270.
9. Chander A., Sun H. *Sovereignty 2.0*. Georgetown Law Faculty Publications and Other Works 2021. URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/2404>.
10. Rethinking strategic autonomy in the digital age. EPSC strategic notes (Issue 30, July 2019). URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/889dd7b7-0cde-11ea-8c1f-01aa75ed71a1/language-en>.
11. Celeste E. Digital sovereignty in the EU: challenges and future perspectives // *Data Protection beyond Borders: Transatlantic Perspectives on Extraterritoriality and Sovereignty* / Ed. by F. Fabbrini, E. Celeste, J. Quinn. Bloomsbury Publishing, 2021. Pp. 211—228.
12. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A European strategy for data” (COM (2020) 66 final). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf
13. Understanding conflicts of sovereignty in the EU / Ed. by N. Brack, R. Coman, A. Crespy. Abingdon : Routledge, 2021. 150 p.
14. Floridi L. The fight for digital sovereignty: what it is, and why it matters, especially for the EU // *Philosophy & Technology*. 2020. Vol. 33. Pp. 369—378.
15. Innerarity D. *European digital sovereignty*. Brussels : Institute of European Democrats, 2021. 10 p.
16. Taylor P. 2020: The year diplomacy died. When “tweeties” supplant treaties, the law of the jungle rules // *Politico*. 2020. Sept. 24.
17. Bradford A. *The Brussels effect: how the European Union rules the world*. Oxford : Oxford University Press, 2020. 424 p.
18. Липкина Н. Н. Принцип суверенитета государства в киберпространстве: проблемы определения содержания в современном международном праве // *Бизнес. Образование. Право*. 2020. № 4(53). С. 275—280.
19. Липкина Н. Н. Принцип суверенитета государства в киберпространстве: подходы к определению правовой природы в современном международном праве // *Вестн. Саратов. гос. юрид. акад.* 2020. № 5(136). С. 108—113.

REFERENCES

1. *The EU wants to set the rules for the world of technology: on data protection, artificial intelligence, competition and more*. URL: <https://www.economist.com/business/2020/02/20/the-eu-wants-to-set-the-rules-for-the-world-of-technology>.
2. *Digital sovereignty for Europe. EPRS Ideas Paper: towards a more resilient EU*. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf).
3. Vučić M. European Union’s quest for digital sovereignty: policy continuations and strategy innovations. In: *Europe in Changes: the Old Continent at a New Crossroads*. Ed. by K. Zakić, B. Demirtaş. Belgrade, Institute of International Politics and Economics, Belgrade Faculty of Security Studies at the University of Belgrade, 2021. Pp. 99—115.
4. Christakis T. “European digital sovereignty”: successfully navigating between the “Brussels effect” and Europe’s quest for strategic autonomy. URL: <https://ssrn.com/abstract=3748098>.
5. Bauer M., Erixon F. *Europe’s quest for technology sovereignty: opportunities and pitfalls. ECIPE occasional paper 02/2020*. URL: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2020/05/ECI_20_OccPaper_02_2020_Technology_LY02.pdf.
6. Obendiek A. S. *Take back control? Digital sovereignty and a vision for Europe*. URL: https://opus4.kobv.de/opus4-hsog/frontdoor/deliver/index/docId/3934/file/210511_Obendiek_Digital-Sovereignty.pdf.
7. Zinoveva E. S., Bulva V. I. Digital sovereignty of the European Union. *Modern Europe*, 2021, no. 2(102), pp. 40—49. (In Russ.)
8. Shevchenko Ya. N. Digital sovereignty of Europe in the context of global data management policy. *Political Science*, 2021, no. 3, pp. 251—270. (In Russ.)
9. Chander A., Sun H. *Sovereignty 2.0*. Georgetown Law Faculty Publications and Other Works 2021. URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/2404>.
10. Rethinking strategic autonomy in the digital age. EPSC strategic notes (Issue 30, July 2019). URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/889dd7b7-0cde-11ea-8c1f-01aa75ed71a1/language-en>.
11. Celeste E. Digital sovereignty in the EU: challenges and future perspectives. In: *Data Protection beyond Borders: Transatlantic Perspectives on Extraterritoriality and Sovereignty*. Ed. by F. Fabbrini, E. Celeste, J. Quinn. Bloomsbury Publishing, 2021. Pp. 211—228.
12. *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A European strategy for data” (COM (2020) 66 final)*. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf.
13. *Understanding Conflicts of Sovereignty in the EU*. Ed. by N. Brack, R. Coman, A. Crespy. Abingdon, Routledge, 2021. 150 p.
14. Floridi L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU. *Philosophy & Technology*, 2020, vol. 33, pp. 369—378.
15. Innerarity D. *European Digital Sovereignty*. Brussels, Institute of European Democrats, 2021. 10 p.
16. Taylor P. 2020: The year diplomacy died. When “tweeties” supplant treaties, the law of the jungle rules. *Politico*, 2020, Sept. 24.
17. Bradford A. *The Brussels Effect: How the European Union Rules the World*. Oxford, Oxford University Press, 2020. 424 p.
18. Lipkina N. N. Principle of sovereignty in cyberspace: content definition problems in the contemporary international law. *Business. Education. Law*, 2020, no. 4(53), pp. 275—280. (In Russ.)
19. Lipkina N. N. Principle of sovereignty in cyberspace: approaches to determining its legal nature in the contemporary international law. *Saratov State Law Academy bulletin*, 2020, no. 5(136), pp. 108—113. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.09.2021; одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 29.09.2021. The article was submitted 10.09.2021; approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 29.09.2021.